

УДК 504.53.052

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

«Аммоний» – последний диалог в античной традиции

Дронова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена важнейшему памятнику позднеантичной литературы – работе Захарии (Схоластика) Ритора «Аммоний». Это сочинение представляет собой полемический христианский труд, составленный в классической античной форме диалога и является крупным и серьезным произведением, написанным против неоплатоников. Со стороны газской школы было написано всего три таких полемических произведения: «Феофраст» Энея Газского, «Аммоний» Захарии (Схоластика) Ритора и фрагмент «Опровержение Прокла» известного ритора Газской школы Прокопия. В отечественной историографии данные произведения изучено слабо. Кроме того, они не опубликованы на русском языке. В своей работе мы остановимся только на анализе «Аммония» и постараемся доказать, что данный полемический труд является последним в античном стиле диалогом (конец V в.).

Ключевые слова: Ранняя Византия, Газа, «Аммоний», Захария Ритор, полемика, христианство, неоплатонизм

Для цитирования: Дронова Я.А. 2022. «Аммоний» – последний диалог в античной традиции. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 64–69. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

«Ammonium» – the last dialogue in the Ancient traditon

Yana A. Dronova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the most important monument of Late Antique literature – the work of Zacharias (Scholastic) Rhetorician «Ammonius». This work is a polemical Christian work, composed in the classical ancient form of dialogue and is a large and serious work written against the neo-Platonists. On the part of the Gazan school, only three such polemical works were written: «Theophrastus» by Aeneas of Gazan, «Ammonius» by Zacharias (Scholasticus) the Rhetorician, and the fragment «refutation of Proclus» by the famous rhetorician of the Gazan school, Procopius. In Russian historiography, this work is poorly studied. In addition, these works are not published in Russian. In our work, we will focus only on the analysis of «Ammonium», and try to prove that this polemical work is the last dialogue in the ancient style. Zachariah's dialogue also demonstrates the Christian appropriation of Hellenic thought, typical of the Gaza school. Zachariah's philosophical dialogue is a work that should equally be seen as a product of the interaction of his ascetic and sophistic surroundings.

Keywords: Early Byzantium, Gaza, Ammonius, Zacharias the Rhetorician, controversy, Christianity, Neoplatonism

For citation: Dronova A.Ya. 2022. «Ammonium» – the last dialogue in the ancient traditon. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 64–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-64-69

Введение

В конце V и начале VI в. школа риторики в Газе, которая была ответвлением великой Александрийской школы, достигла расцвета во главе с выдающимися христианскими учеными, получившими платоновское образование [Rappava, 1985, p. 32]. В это время из этой школы вышли два выдающихся философа: Эней, ученик Иерокла, и Захария, ученик Аммония, который провел мало времени в Газе, но был погружен в Александрийскую школу. Оба они демонстрируют типичное для школы Газы присвоение христианством эллинской мысли. Однако ни один из них не представляет аргументов в христианских терминах, а скорее каждый рассуждает, используя платонические принципы. Диалоги Энея «Феофраст» и «Аммоний» Захарии, являясь уже христианскими, по форме замыкают великую традицию платоновского диалога.

Объекты и методы исследования

Объектом нашего исследования является философский диалог Захарии (Ритора) Схоластика «Аммоний». В процессе исследования проблемы нами был использован историко-сравнительный метод, позволяющий сравнить и проанализировать литературное наследие двух авторов – «Феофраст» Энея Газского и «Аммоний» Захарии (Ритора) Схоластика. На основе сравнительного анализа мы смогли установить разницу между двумя работами как продукт их расходящихся целей. Историко-сравнительный метод позволил доказать, что «Аммоний» является в своем роде последним в античном стиле диалогом.

Результаты и их обсуждение

Философский диалог Захарии – это работа, которую в равной степени следует рассматривать как продукт взаимодействия его аскетического и софистического окружения [Champion, 2006]. Свой труд «Аммоний» или «О сотворении мира» Захария, как считают многие исследователи, почти наверняка написал под влиянием диалога Энея Газского [Positano, 1962, p. 5]. В тексте дважды встречаются цитаты «одного из мудрейших мужей» (т. е. Энея), и иногда воспроизводятся отрывки из «Феофраста», но без указания авторства.

В историографии уже было убедительно показано, что взаимодействие Захарии с «Феофрастом» Энея выходит за рамки простого восполнения пробелов. Там, где изложение Энея запутано, двусмысленно или рискует оскорбить ортодоксию, Захария, беря тот же материал, спокойно исправляет и разъясняет его. В качестве примера можно привести строки из Аммония [Amm. II, 1176–1220]. Здесь ученик «В» поднимает вопрос, почему Бог не сделал космос бессмертным с самого начала, вместо того чтобы преобразовать его в конце времени. Та же трудность возникает и в «Феофрасте» при невнятной аргументации. Эней должен объяснить, почему люди не получили бессмертия, но на самом деле он останавливается на том, как «разумные существа» пали, и они превратились в мятежников. Захария же в этом вопросе не оставляет сомнений: В Amm. I. 1198 он добавляет «то есть человеческие существа», чтобы объяснить «разумные существа» Энея (которые могли относиться либо к ангелам, либо к человеческим душам).

Вопрос, имеющий большое значение для нашего понимания истории неоплатонизма, заключается в том, насколько верно Захария излагает собственные идеи Аммония. Очевидно, что какая-то часть того, что Захария вкладывает в уста Аммония, отражает действительные взгляды философа. Основной тезис, против которого выступает Захария, это утверждение неоплатоников о том, что «Мир со-вечен Богу». Некоторые исследователи считают, что настоящий Аммоний не мог поддерживать данный тезис, а тем более защищать эту точку зрения [Chartue, 2010]. Неоплатоники в вопросе о взаимоотношении мира с Богом-творцом, ссылаясь впоследствии на Прокла, четко разграничивают понимание вечности: вневременного вечного существования божества и бесконечного продолжения мира [Verrycken, 2001, p. 241].

Этот и несколько других примеров некоторые исследователи приводят для обоснования своей точки зрения о том, что «Аммоний» здесь все же просто персонаж, а не реальная личность [Nissen, 1940, p. 15]. Однако аргументы, встречающиеся в трудах ученика Аммония Асклепия, свидетельствуют об обратном [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 98].

В своем диалоге Захария сознательно вводит реально живших философов и толкует библейские отрывки, чтобы оправдать точку зрения Энея. Эдвард Уоттс убедительно объясняет разницу между работами Энея и Захарии как продукт их расходящихся целей. С одной стороны, «Феофраст» был более традиционным диалогом, который Эней мог распространять среди коллег, в том числе и в Александрии [Sorabji, 2003]. С другой стороны, работа Захарии, которая не выдерживала никакой критики в отношении изображения языческих философов, стремилась «пересмотреть динамику интеллектуальной власти в Александрийских школах», чтобы снизить влияние язычников, которые оставались еще могущественными, вероятно, потому, что он оставался в контексте с филопонами в Александрии и надеялся этим диалогом подорвать авторитет, которым еще пользовались ведущие языческие философы города [Gallicet, p. 137–167].

Некоторые исследователи предположили, что текст «Аммония» был позже пересмотрен и что диалог с Гессием был вставлен позднее, поскольку он не упоминается во введении или заключении. Хотя такая редакция не может быть исключена, предлагаемые аргументы довольно шатки [Watts, 2005, p. 453].

Обратимся к теме и структуре диалога Захарии. «Аммоний» состоит из четырех бесед: первая с Аммонием, вторая с Гессием и еще две с Аммонием. Каждая беседа начинается введением и заканчивается заключением. Аммоний начинается с буквы «А», короткого обмена мнениями между студентами-юристами в Берите, которые когда-то учились в Александрии у влиятельного неоплатоника Аммония. Затем один из студентов предлагает рассказать о серии коротких бесед, которые он имел с Аммонием и которые размышляют о ненадежности его учения о вечности мира [Amm. 357–360].

Введение в диалог [Amm. I. 6–91] содержит, подобно диалогам Платона [Minniti-Colonna, 1973, p. 46–48], предшествующий рассказ о встрече с бывшим учеником Аммония. Аммоний представлен там в начале своей карьеры: не так давно он прибыл из Афин в Александрию [Blank, 2012, p. 654]. Кроме того, Захария подчеркивает опасность, которую представляет Аммоний как язычник: он очень искусен в отвлечении молодых от Бога и истины. Замечание это весьма интересно, потому что указывает на то, что христиане вполне могли под влиянием языческого философа отойти от христианской веры. Опасность, создаваемая философией Аммония, суммируется далее в учении о вечности мира. Захария предлагает своему собеседнику пересказать ему разговор на эту тему, который он сам провел за год до этого с Аммонием [Minniti-Colonna, 1973, p. 24].

Таким образом, в первой части своей работы [Amm. I. 92–350] Захария рассказывает о споре, который, по его утверждению, имел с Аммонием. Из этого спора Захария выходит победителем, а Аммоний проигравшим. По словам Захарии, его христианские доводы убедили бы даже многих слушателей-язычников, присутствовавших на его дискуссии во время обучения у Аммония [Amm. I. 351–361].

Среди языческих учеников Аммония есть еще один, а именно Гессий, который считает, что у него есть больше аргументов для вечности мира, чем у его учителя [Amm. I. 365–366]. Вторая часть диалога [Amm. I. 351–937] повествует о якобы имевшем место на следующий день разговоре между Гессием и Захарией. Разговор на этот раз происходит в Мусее, а не в Школе. Но участь ученика вряд ли лучше, чем участь учителя: Гессий тоже (вполне предсказуемо) сокрушен аргументацией Захарии [Merlan, 1968, p. 193–203].

Нет оснований предполагать, что текст «Аммония» совершенно не историчен. Захария представляет Гессия как врача; это согласуется с тем, что мы знаем об этом интеллектуале из Дамаска [Verrycken, 2001, p. 242]. Это прекрасно иллюстрирует тот факт, что

обычному профессиональному образованию (медицине, юриспруденции, в случае Гессия и Захарии) предшествовало изучение философии.

В третьей части произведения [Амм. II. 938–1093] Захария снова беседует с самим Аммонием. На этот раз поводом для дискуссии стала лекция по этике Аристотеля [Амм. II. 1108]. Аммоний утверждал, что между Платоном и Аристотелем нет противоречия по данной теме. Данное утверждение давало Захарии возможность возразить и настоять на том, что Аристотель отвергает идеи Платона, а также не соглашается с ним в других отношениях [Obertello, 2007, p. 173–189]. Но отсюда непонятно, каким образом Аммоний возвращается к теме вечности космоса и «как ни в чем не бывало», – говорит Захария, – повторяет свое утверждение о том, что космос вечен. Захария начинает противоречить, на этот раз более резко. Аммоний хранит молчание и через некоторое время приказывает своим ученикам уйти, очевидно, боясь, что Захария убедит их, как говорит нам сам Захария. Это весьма странный пассаж. Можно предположить, что в какой-то момент Аммоний просто сказал, что время занятия закончилось, и дал всем разрешение уйти, которым многие воспользовались. Но он также сказал, что готов продолжить обсуждение с Захарией, и любой желающий может остаться. В любом случае, когда Захария продолжает, Аммоний уступает, пытается увернуться и, наконец, сдается и объявляет себя побежденным [Амм. II. 1113, 1116] [Tempelis, 1998].

Четвертая часть «Аммония» очень коротка [Амм. II. 1094–1136] и содержит дискуссию между Аммонием и Захарией о Святой Троице. В конце этого раздела Аммоний приходит к выводу, что в Троице есть три различные ипостаси, но одна сущность. Этот вывод весьма приветствуется аудиторией. Аммоний ответил на это саркастической улыбкой; он покраснел и больше ничего не сказал на эту тему.

Затем следует новая беседа между Захарием и молодым христианином [Амм. II. 1137–1524], в которой пересматривается ряд вопросов, касающихся христианского учения о сотворении и конце мира, а также о судьбе человека. Окончание этой последней части [Амм. II. 1502–1523] состоит из молитвы, обращенной к Святой Троице.

Теперь попробуем структурировать сведения, которые дает нам Захария. Что касается доводов, которые Захария приписывает Гессию, то К. Веррикен [Verriken, p. 249] считает их свидетельствами мысли Аммония. Действительно, Гессий представлен как самый важный ученик Аммония [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 98]; Захария говорит о нем, что он считает себя способным внести в обсуждение вечности мира больше, чем сам Аммоний [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 101]. Это означает не то, что его аргументы выходят за рамки философии Аммония, а то, что в первом обсуждении Аммоний, по мнению Захарии, не полностью исчерпал потенциал собственной философии.

Анализ «Аммония» Захарии позволяет убедиться в том, что философия Аммония – языческий неоплатонизм. Даже в том, во многих отношениях искаженном его представлении, которое дает Захария, он резко отличается от христианской философии самого автора. И, конечно, не похоже, чтобы Захария воспринимал его как что-то близкое к христианству.

Действительно, сказать, что мир вечен, для Захарии равносильно сказать, что сам мир есть Бог, а не тварь [Амм. I. 4–5]. С христианской точки зрения Аммоний согласен, что есть два Бога. Поэтому неудивительно, что Иоанн Филопон, когда в 529 г. захотел напасть на неоплатонизм своего учителя, выбрал проблему вечности мира в качестве поля битвы [Klitenic, 2013, p. 146]. Для христианства десакрализация мира необходима. Если мир вечен, то Бог не волен творить его, тогда как божественная благодать противоположна необходимости [Амм. I. 735–754]. Таким образом, учение об эманации Аммония никоим образом не представляет собой перехода к христианской философии Захарии [Merlan, 1968].

Если же некоторые историки античной философии продолжают рассматривать мысль Аммония как форму (нео-)платонизма, близкую к христианству, то они руковод-

ствуются бессознательным желанием видеть христианство логическим и неизбежным завершением истории греческой философии [Watts 2006, p. 153–164]. С такой точки зрения «Аммоний» представил бы момент, когда греческая философия максимально сблизилась и даже частично, так сказать, обратилась бы в христианскую истину [Charrue, 2009].

Что касается идей философа Аммония, то его теизм и интерпретация богословия Аристотеля составляли бы два главных элемента этого сближения, в то время как, например, его вера в вечность мира свидетельствовала бы о том, как трудно ему было полностью освободиться от своего неоплатонического наследия. Таким образом, со стороны александрийского неоплатонизма произошло бы спонтанное движение в сторону христианства [Nissen, 1940]. Издав в 529 г. свое сочинение «Aeternitate mundi contra Proclum», Иоанн Филопон только завершил бы этот процесс: он превратил бы гибридную переходную метафизику Аммония во вполне христианскую философию [Gallicet, 1978a, p. 273].

Однако «Аммоний» Захарии при внимательном рассмотрении показывает, что такая преемственность между александрийским неоплатонизмом и христианским учением о сотворении мира является продуктом ошибочного понимания истории александрийской философии в этот период [Westerink, 1962, p. 10]. Тезис о вечности мира – не единственное и не последнее великое препятствие, принципиально отделяющее идеи Аммония от христианства. Они, напротив, являются частью неоплатонической системы, которая полностью сохранила свое нехристианское доктринальное единство [Sorabji, 2005].

Выводы

Таким образом, «Феофраст» Энея и «Аммоний» Захарии как два полемических труда не просто имеют много общего между собой, но представляют собой последовательную традицию полемических произведений Газского «филиала» Александрийской школы [Blank, 2012]. Но при этом каждое сочинение является уникальным, отражает характер автора, имеет своеобразие стиля. Литературное наследие школы ранневизантийской Газы ставит ее представителей в один ряд со знаменитыми софистами и христианскими богословами Константинополя, Александрии, Антиохии и других интеллектуальных центров империи.

Сочинение «Аммоний» Захарии, иначе известное как «О сотворении мира», опубликованное в начале 490-х гг. и пересмотренное в начале 520-х годов, является последним по форме античным диалогом, но по сути – уже христианским сочинением. Попытки усмотреть в нем сближение неоплатонизма (в виде идей Аммония философа) с христианством или даже переход одного в другое не имеют оснований.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н.

References

- Rapava M. 1982. Traditions et innovations dans l'école néo-platonicienne d'Alexandrie: Ammonius Hermias et David l'Invincible. *Bedi Kartlisa* 40. P.: 216–227.
- Aeneas of Gaza. 1962. *Epistole*. Ed. by L.M. Positano. *Collana di studi greci* 19. Napoli, Libreria scientifica editrice, 132.
- Charrue J.M. 2010. *De l'être et du monde: Ammonius, Plotin, Proclus*, Paris, Klincksieck, 200.
- Verrycken K. 2001. La métaphysique d'Ammonius chez Zacharie de Mytilène. *Revue des sciences philosophiques et théologiques*. Paris. № 85: 241–266.
- Nissen Th. 1940. Eine christliche Polemik gegen Julians Rede auf den König Helios. *Byzantinische Zeitschrift*. Berlin. № 40: 15–22.
- Dillon J., Russell D., Gertz S. 2014. *Aeneas of Gaza. Theophrastus with Zacharias of Mytilene Ammonius*. London, Bloomsbury, 180.

- Sorabji R. 2003. Sordid deals and divine names in Ammonius' Alexandria. *Neoplatonism and Society*. Cardiff, 245.
- Gallicet E. 1978. Per una rilettura del Teofrasto di Enea di Gaza e dell' Ammonio di Zacaria Scolastico (Parte II). *Atti della Accademia delle Scienze di Torino*. 112: 137–167.
- Watts E. 2006. Creating the ascetic and sophistic melange: Zacharias Scholasticus and the intellectual influence of Aeneas of Gaza and John Rufus. Vol. 18, Number 1: *Palestinian Christianity*: 153–164.
- Colonna M.M. 1973. *Zacaria Scolastico, Ammonia: Introduxione, testo critico, traduzione, commentario*. Napoli, Ed., 222.
- Blank D. 2012. Ammonius Hermeiou and his School in Lloyd Gerson. *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity*. Cambridge, UP: 654–666.
- Merlan P. 1968. Ammonius Hermiae, Zacharias Scholasticus and Boethius. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. Vol. 9: 193–203.
- Obertello L. 2007. Proclus, Ammonius of Hermias and Zachariah Scholasticus: The Search after Eternity and the Meaning of Creation. *Divine Creation in Ancient, Medieval and Early Modern Thought*. Leiden, Brill: 173–189.
- Klitenic W.S. 2013. Another Link in the Golden Chain: Aeneas of Gaza and Zacharias Scholasticus on Plotinus Enn. 4.3. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 53: 146–155.
- Champion M.W. 2006. *Zacharias Scholasticus' Ammonius*. MA Thesis University of Melbourne: 298.
- Tempelis E. 1998. *The School of Ammonius, son of Hermias, on Knowledge of the Divine*. Athens, Parnassos Literary Society, 184.
- Watts E. 2005. Winning the Intracommunal Dialogues: Zacharias Scholasticus' Life of Severus'. *Journal of Early Christian Studies*. 13: 437–464.
- Gallicet E. 1978. La risurrezione dei morti in Enea di Gaza e in Zacaria Scolastico. *Augustinianum*. 18: 273–278.
- Westerink L.G. 1962. *The Alexandria School since Hermias. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy*. Introd., text, transl. by L.G. Westerink. Amsterdam: X–XIII.
- Sorabji R. 2005. *The Philosophy of the Commentators 200–600 AD. A Sourcebook*. Vol. 1–3. L.; Ithaca (N. Y.), 456.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дронова Яна Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yana A. Dronova, Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia